

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

ENGLISCHER GARTEN

Апатичное лето уступает
рассеянной осени
пространство неторопливого листопада
антрацитовый ворон картавит
в мутно-зелёной траве
вероятно о том
что нет ничего прекрасней распада
которому не до забот
о последствиях
или потомках
и неведомо что наводит на мысль
об античности без ренессанса
возле старой стены
в морщинах
уже зимующего плюща
за которой в разодранной паутине деревьев
мерещится бывший лес
узнавший на собственном опыте
что рвётся не там где тонко
скорее наоборот
и что склонные к одиночеству
слава Богу не складываются в народ
дорожа отдаленьем ни с кем несходства
где ничто не напоминает
что Давиду на Голиафа нужна праща
и что жизнь это лишь разновидность борьбы
по правилам или без
потому что когда наконец всех победишь
что за радость
жить среди побеждённых?..
Октябрь 2004

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

Под ногами листва говорит, что вокруг –
сплошь платаны и клёны,
и немного странно глядеть на них свысока;
по нестриженому газону, зелёному не по сезону,
седая такса выгуливает колченогого старика;
чуть не сразу после дождя исчезают лужи,
однако свет по-прежнему немощен,
впору с утра зажигать фонари,
и не любят без крайней надобности
высовываться наружу
признаки призрачной жизни,
происходящей внутри;
при виде собаки утки бросаются в воду, не зная броду,
и похоже на то, что всюду полным-полно
напряжённого ожидания
то ли пятого времени года,
то ли золотого века, что, в общем-то, есть одно
и то же. А в полчаса от дома
месяцев девять в году
монументально хлопочет фонтан
с изваянием молодого, ещё безбородого Посейдона,
который станет заросшим Нептуном
не здесь и сейчас, но тогда и там,
то есть в Риме – времён, до которых
пальцев не хватит для счёта,
где Савл обернётся Павлом и Цезарем – бывший Брут,
и охота пуще неволи – вглядываться в темноты
исторических метаморфоз
и прочий напрасный труд,
например, представить себе,
как ни с того, ни с сего, из пустого упрямства
не желая озираться ни по сторонам, ни назад,
самолёт в клочковатом тумане времени и пространства,
миновав по пути Петербург, прилетит в Ленинград –
и затеряется в позапрошлых снегах косолапых,
потому что летучей памяти субтильное существо –
не пунктирная вереница видений, но только запах
под ногами листвы. И более ничего.

Ноябрь 2004 München

СИЛУЭТ

Ворон ворону глаз протирает
увидеть на границе веков
пелену светотемени
где у времени
время от времени
возникает азарт и соблазн
чужими руками раскладывать
исторические пасьянсы
географических карт
которые всякий раз на самую малость
не сходятся
то ли погода не та
то ли в часах пружина сломалась
и соль упущенных возможностей
выпадает в осадки
умеренные до сильных
отображенные в марках и маршах
изверженья
пожары
потопы
прекрасные в стиле плутархов
и плиниев-старших
а также
если глядеть свысока
где воздух и место
для одного
силуэта фламинго
на игле Эвереста...

Октябрь 2003 München

НОМО URBANUS

После весенней гипертонии
склеротических рек
наступает пора тротуаров
усыпанных каменной крошкой
чтобы не оскользнуться
на солнечных пятнах
и выяснения запутанных отношений
беспредметных имен
и безымянных предметов
замечательная возможность привыкнуть
к взаимному непониманию
отрешиться

от павлиньего спектра событий
и воспарить
воображаясь Фаустом
победительным петухом
с жемчужиной в клюве
а женщины смотрят на встречных мужчин
как на некую
необходимую часть
здорового образа жизни
и никому не хочется
быть женою Лота
чье имя
как говорится
в истории не сохранилось
но когда перед этою публикой
не избранной и не званной
однако готовой
ото всего откупиться
на временно обустроенной сцене
обнесенной колючкою рампы
перестаем играть
друг для друга
друг с другом
друг в друга
тогда мы умираем...
Август 2001 München

ФЛАМЕНКО

На серебряных цезурах...

Шенгели

Три-четыре бесценных
архитектурных ансамбля
непоспешно ветшают невдалеке,
и серебристо-серая цапля
на жёлто-зелёной
обмелевшей реке
замирает в профиль,
помогая фотографу-простаку,
возле моста,
сработанного руками Рима,
и взлетает по неслышанному щелчку,
как после выстрела мимо.
Пересохшее мельничное колесо
и настырной гитары гравюрные звуки

обрамляют несложную мысль, что не всё
на своя возвращается круги,
что занимавшее воображение с утра
нетерпение чувств
и желание славы
и прочая малость,
как выясняется к вечеру, было уже вчера,
там и осталось.
Так что лучше, пожалуй,
вникать в исторический след
тех, кто жили да были да сплыли,
и запутывать замысловатый сюжет
в сюрромантическом стиле,
и следить, как узор мавританских писем
расплывается в мареве мутно-стеклянном
на извилистой улице,
где когда-то Кармен
разминулась на пару веков с Дон Хуаном...
Сентябрь-октябрь 2003
Cordoba – Seville – München

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Поди разберись в происходящем с тобою, - вроде
только что был пролог,
а уже похоже на эпилог...
Во саду ли заглошем, в неполотом огороде
колкими выпадами зигзагов
произрастает чертополох.
И весьма занимательно перебирать варианты
вероятной развязки,
убеждаясь, что ни к одному не готов.
На соседском балконе самозванный кенарь-бельканто
запутался в неповторимости
собственных песен без слов.
По утрам в отлетающей дымке дыханья двоятся
облюбованные чайками бессветные фонари
и вспоминается –
по не самой причудливой из возможных ассоциаций -
трехцветная кошка, гуляющая
в шпалерных зарослях Тюильри,
или как в безопасности от изысканной кошки
и прочих реальных и виртуальных врагов
возле пустой скамейки подбирают бисквитные крошки
в парке Миро попугаи с повадками воробьев.

Впрочем, всегда отыщется
повод к бессмысленной грусти,
например, что жизнь,
постепенно исчерпывая свою длину,
всё больше напоминает исток, а не устье,
и занудным журчаньем то и дело клонит ко сну.
И впечатленья, которые
время от времени подбрасывает Европа,
осужденная былыми пророчествами
на закат, прозябанье, крах, –
горсть разноцветных стекляшек
в трубке калейдоскопа,
медленно поворачивающегося в неразличимых руках.
Декабрь 2004 München

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Становится всё более нерезким,
Что быть могло бы, если бы да кабы...
Ну, вот уже и смысла нет, и не с кем
Поговорить о странностях судьбы.
И взглядом отмечаешь между делом,
Отвлёкшись от своих черновиков,
Как проступает белая на белом
Изменчивость ленивых облаков,
Взобравшийся по травяному склону
Краплёный граб возносит до небес
Стремительно скудеющую крону,
где поползень танцует полонез,
И вычерченное тончайшей кистью
Змеиное струение реки,
Где вольно распластавшиеся листья
Стремглав пустились наперегонки.
И смешивая облики и лица,
И впечатленья превращая в дым,
Октябрьский день непоправимо длится,
И тем привычней, что неповторим, –
И выглядит бесцельно-совершенным,
Как будто вопреки природе он
Одним небрежно-радостным движеньем
Из пустоты и мрака сотворён.
Октябрь 2004 Мюнхен